

Цзинь Шань проснулась и протерла глаза. Стоило ей пошевелиться, как за шелковым пологом тут же послышалось движение — это дворцовая служанка, стоявшая наготове, опустилась на колени и откинула занавеси.

— Принцесса, прикажете помочь вам подняться? — тихо спросила она.

Цзинь Шань, лежа в постели, тихо промычала в ответ, а затем медленно села. Дворец Юнъань был слишком велик, и из внутренних покоев невозможно было разглядеть, что творится снаружи. Цзинь Шань показалось, что уже довольно поздно: свет вокруг был приглушенным, сумеречным.

— Который сейчас час? — за эти несколько дней она уже привыкла к манере речи, принятой в эту эпоху.

Услышав вопрос, служанка, которая уже опустилась на колени, чтобы надеть на нее туфли, поспешно ответила:

— Докладываю Вашему Высочеству, уже начало часа Шэнь.

Значит, четыре часа дня. Она проспала с полудня почти до самого вечера — в ее прошлой, вечно суетливой жизни такое было попросту невозможно.

Неужели я и правда попала в другое время? — размышляла про себя Цзинь Шань, глядя на свои тонкие, ухоженные пальцы, в которых проступала легкая бледность.

Что ж, в этой династии статус старшей принцессы, безусловно, был высок, но свобода — несомненно, ограничена. Те, кто жил за пределами дворца, довольствовались простой едой, носили грубую обувь и всю жизнь трудились ради куска хлеба, даже представить не могли роскошь дворцовой жизни: горы золота, изысканные яства, шелковые одежды и толпы слуг. Но кто знает, сколько здесь, в глубине дворца, запутанных правил, где один неверный шаг грозит гибелью, а каждый день проходит в постоянном страхе? Кто знает, как давит эта тишина среди красных стен, где время словно замирает, а душа постепенно немеет от тоски?

Иметь столько богатства и времени, но при этом лишь томиться в бездействии — участь не из легких.

Одевшись и выйдя из спальни, Цзинь Шань снова встретила матушку Цзо. Та служила во дворце уже десять лет, ей было сорок два года, и звали ее Чжи. Она была старшей распорядительницей, приставленной Срединным дворцом лично присматривать за бытом принцессы Юнъань. Матушка Цзо сопровождала императрицу еще до ее замужества, была ее доверенным лицом, и даже наложницы из шести дворцов относились к ней с почтением.

— Вы хорошо отдохнули, Ваша Высочество? — матушка Цзо ласково взяла ее под руку. Благодаря своему особому положению, она не была скована излишним этикетом с принцессой и относилась к ней почти как к родной внучке.

Цзинь Шань, не привыкшая спать так долго, чувствовала легкую головную боль, но, видя искреннюю заботу старой служанки, лишь мягко кивнула, как обычно делала в общении с Ли Цюанем.

— Прикажете ли подать к ужину что-то особенное? Я распоряжусь, чтобы на кухне подготовили, — продолжала матушка Цзо.

У принцев и принцесс с самого рождения были свои малые кухни. У принцессы Юнъань она была под стать статусу: просторная и прекрасно оснащенная, совсем не чета тесным и убогим кухонькам младших принцев и принцесс, рожденных от наложниц низкого ранга. По уровню мастерства поваров она лишь немного уступала главной императорской кухне.

Проспав весь день, Цзинь Шань не чувствовала аппетита.

— Решайте сами, матушка, — ответила она. — Пусть приготовят что-нибудь легкое.

Матушка Цзо сделала знак рукой, и служанки тут же разбежались, передавая распоряжение по цепочке: от внутренних покоев — к внешним, а оттуда — к евнухам, которые, наконец, донесли его до кухни.

В покоях стало слишком душно, и Цзинь Шань решила прогуляться. В этот момент матушка Цзо добавила:

— Ваша Высочество, слышали ли вы? Благородная госпожа Чу из дворца Цингуй недавно родила еще одного маленького принца. Его Величество очень доволен.

В династии Синь иерархия наложниц была строгой: после императрицы шли благородные супруги, затем госпожи, дацань, чанцзай, цайжэнь, а за ними — простые наложницы.

Цзинь Шань помнила госпожу Чу по воспоминаниям прежней Юнъань. Ее отец был заурядным чиновником, семья не обладала большим влиянием, а сама она не отличалась ни особой красотой, ни статью — затерянная среди множества других наложниц. Однако, родив троих принцев подряд за три редких ночи, проведенных с императором, она внезапно стала фавориткой, ведь государь жаждал наследников. Еще до рождения третьего ребенка, когда лекари подтвердили, что будет мальчик, ее возвысили до госпожи.

Больше всего зависти вызывало то, что император не только осыпал ее милостями, но и позволил супруге Мэй, одной из четырех главных наложниц, забрать госпожу Чу к себе во дворец Цингуй, чтобы лично присматривать за ней. Хотя это было временной мерой, при дворе поползли слухи: по правилам, наложницы разных рангов не должны жить в одном дворце. Но император, не терпящий возражений, просто игнорировал все доклады цензоров.

В гареме тоже было беспокойно: супруги Ли и Сян вместе с другими наложницами постоянно жаловались императрице на такое нарушение порядка. Императрице Хэ приходилось нелегко: она страдала и от того, что император пренебрегал древними традициями ради фаворитки, и от

того, что это выглядело как публичное унижение ее достоинства как матери государства.

Слушая этот, казалось бы, обычный рассказ, Цзинь Шань ощутила укол сострадания к императрице — своей нынешней матери.

— Матушка Цзо, вы помните, когда я в последний раз навещала матушку-императрицу? — неожиданно спросила она.

— Шесть дней назад, — не задумываясь, ответила та.

Обычно старшая принцесса должна была являться с поклоном ежедневно, но после тяжелой болезни Юньань императрица, чувствуя свою вину, добилась у императора разрешения видаться с дочерью лишь раз в месяц.

— Да, шесть дней прошло, — кивнула Цзинь Шань. — Пойдемте сегодня к ней. И передайте на кухню, чтобы не готовили для меня ужин.

Она сама решила остаться на вечернюю трапезу в Срединном дворце, даже не дожидаясь приглашения. Для других принцев и принцесс это было немыслимо, но для Юньань — вполне обычно. Цзинь Шань знала: императрица Хэ чувствовала, что слишком многим обязана своей старшей дочери, и если бы могла, то хотела бы видеть ее рядом с собой за каждым приемом пищи триста шестьдесят пять дней в году.

<http://bllate.org/book/19590/1921561>